

Часть 1. Неизвестные страницы необъявленной войны.

«15 февраля 1989 года. Праздничный Хайратонский мост. Цветы, оркестр, кино и телевидение. Усталый генерал Громов, командующий 40-й армией, на мосту: «Все. За моей спиной нет ни одного советского солдата». Не в обиду будь ему сказано, но не совсем был прав тогда генерал. За его спиной оставалось еще много солдат и офицеров. Правда, никто из них не входил в состав 40-й армии, но в тот день, опоздав на вечерний концерт Розенбаума в Термезском доме офицеров, вышли последними из Афганистана они – советские пограничники. Обеспечив выход последнего советского солдата, все пять групп прикрытия тихо переправились через Амударью в стороне от моста Дружбы.

Иван Михайлович Коробейников, генерал-лейтенант, начальник одного из управлений Главного управления пограничных войск КГБ СССР, отвечая на вопрос корреспондента газеты «Комсомольская правда» «Как нашлось пограничникам место на той войне?», прокомментировал эту ситуацию так.

- Мне трудно говорить обо всех обстоятельствах, могу только о том, что касалось лично меня. Думаю, что тогда все было оправданно. Афганская война, едва начавшись, породила массу проблем. Одна из них – как обеспечить неприкосновенность советской границы и безопасность населения нашего приграничья. 40-я армия, решая свои задачи, встретила нарастающее день ото дня сопротивление, начался «джихад». Многие их моджахедов все чаще стремились выйти к советской границе, разумеется, не для того, чтобы просто посмотреть на нее. Думаю, что все это послужило фоном для последующего правительственного решения, естественно, по просьбе афганского руководства, о вводе небольшого контингента пограничных войск КГБ СССР в северные провинции Афганистана для охраны нашей границы. Участвовали, как тогда их называли, сводные боевые отряды Среднеазиатского и Восточного пограничных округов. Собирали в них, как правило, добровольцев. Располагались в виде небольших гарнизонов. Места дислокации в Афганистане выбирались с учетом активности действий моджахедов, так, чтобы мешать им выходить к советской границе. Сначала это были Памирское и Пянджское направления, затем, постепенно, была образована так называемая зона ответственности пограничных войск, включавшая в себя часть территории всех северных провинций Афганистана на глубину где-то до 100 километров. Мы внешне, военные, были не отличны от 40-й армии. Солдаты и офицеры в такой же форме, погоны перешивали на общевойсковые. Единственная особенность – все службы тыла и обеспечения боевых действий, а также пограничная

авиация находились на советской территории, в местах расположения пограничных отрядов.

- Я профессионал. И с военной точки зрения могу судить о наших действиях, что удалось, а что нет. Были победы, конечно, но у нас никогда не было цели кого-то уничтожить вовсе. Это принципиально. Мы делали все, чтобы не допустить диверсий на нашей границе. По просьбе афганских властей участвовали в боевых действиях. Совместно с афганцами и частями 40-й армии за все время провели ряд больших десантно-войсковых операций в нашей зоне ответственности, в основном по разгрому крупных бандформирований вблизи границы – Шар-Шари, Мармоле, Альбурсе, например, или Дарбанте. При этом главное условие – минимум потерь. Противник у нас был серьезный. По нашим данным, в зоне ответственности пограничных войск находилось постоянно 30-40 тысяч вооруженных моджахедов. Некоторые вооруженные группы оппозиции представляли собой племенные формирования и не воевали с нами, если их не задевали. Все остальные – это великолепно приспособленные к местным условиям, если можно так сказать, профессионалы. Вооружены они были хорошо. Я говорю с точки зрения военной, конечно.

- Мы воевали на территории сопредельного государства и охраняли ту же границу обычным способом. Фактически Среднеазиатский пограничный округ нес двойную, если не тройную нагрузку. В отрядах численность личного состава в 3-4 раза превысила ту, что была до войны». */Комсомольская правда, 11 октября 1990 года/*

Часть 2. Начало.

Январь 1981 года. Я учусь в Саргатском СПТУ-31, приобретаю специальность водителя автомобиля и как само собой разумеющееся жду, что весной меня призовут на службу в армию. В очередной раз вызвали в райвоенкомат для контрольной отметки, меня и двоих моих одноклассников, а сейчас одногруппников по училищу, Спиридонова Олега и Ходора Валеру. Помощник военкома старший лейтенант Кныш провел очередную воспитательную беседу, припугнул уголовной ответственностью за уклонение от военной службы (а у нас и в мыслях не было от нее уклоняться, мы хотели в армию, а может быть, просто нам так казалось...). Кныш предложил нам два варианта. Нас призывают в команду №70, и мы попадаем на доблестный подводный флот. Весной 1981 года ныряем под воду, а весной

1984 выныриваем – это такая «остроумная» шутка старшего лейтенанта. Другой вариант – идем служить по команде №300, в пограничные войска КГБ СССР. Нам не очень-то понравились оба варианта, но думать долго не приходилось: лучше два года в «погранцах», чем три года на подводной лодке. Мы дружно выбрали пограничные войска. Кныш предупредил нас о сохранении военной тайны (может быть, не врал?) и пообещал, что скоро с нами приедет беседовать представитель погранвойск. Заинтриговал нас Кныш, ждать мы стали этой беседы-встречи с нетерпением...

Февраль 1981 года. Меня, Олега и Валерку, а также Пирогова из нашей же группы срочно вызвали в администрацию училища, прямо во время занятий. Вхожу в кабинет директора первым. На месте директора незнакомый военный, капитан с фиолетовыми просветами на погонах – гэбэшник... Вот оно, свершилось, приехал беседовать. Предлагает присесть за стол напротив него. Задает вопросы, вначале общие – как зовут, где и когда родился, как учился в школе. Потом вопросы становятся более направленными: хочешь ли служить в армии, знаешь ли, что собою представляют пограничные войска и т.д. Отвечаю, как могу, стараясь думать не долго и ответы формулировать грамотно. Кажется, мои ответы капитана устраивают, он периодически делает какие-то пометки в своем блокноте. Пристально смотрит на меня, стараюсь не отводить глаз и сделать выражение лица поумнее. Меня распирает гордость, я раньше не только не разговаривал с офицером КГБ, но даже вблизи не видел. А тут такое. Чувствую, как у меня за спиной вырастают крылья. Капитан опрос свой закончил. Предложил вопросы задавать ему. Волнуясь, спрашиваю о том, куда попаду служить. Ответ: Дальний Восток – Камчатка, Чукотка, Сахалин. Все, могу идти. Выхожу из кабинета, меня распирает чувство гордости и самоуважения. Вслед за мной такую же процедуру проходят и остальные пацаны. Надо сказать, что Пирогов чем-то капитану не понравился, в армию весной его призвали, но не в пограничные войска.

Начало апреля 1981 года. Опять вызывают в военкомат, вручают повестку на 20 апреля. В повестке указана команда №300, значит, призовут в пограничные войска. И меня, и Олега, и Валеру. Проходим очередную медицинскую комиссию. Годны без ограничений. Все, время начало свой отсчет. Заканчивается производственная практика в Саргатском АТП-34, сдаем экзамены по ПДД и вождение, сдаем успешно и получаем «права» - водительское удостоверение категории «С». До призыва остается четыре дня...

18 апреля 1981 года. Суббота. Идем со старшим братом в сельскую общественную баню, по пути заходим в парикмахерскую, где меня стригут наголо. Я готов к уходу на службу духовно и физически.

19 апреля 1981 года. Меня провожают в армию. Мысли в разбег. А со мной ли все это происходит? Последняя ночь дома и два года разлуки.

20 апреля 1981 года. Нас троих с провожающими родственниками и друзьями везут в райвоенкомат. Там еще двое парней, из Саргатки (районного центра), Зайцев Вася и Малашенко Сергей. Значит, нас будет пятеро. Толчая, суматоха, оформление документов, последние проводы. И мы едем в Омск, на сборный пункт. Нас сопровождает прапорщик Хватов, хороший мужик, настоящий. Проезжаем мимо своего села, стараемся взглядом задержать родные улицы, но автобус проходит мимо и движется дальше. Чувствую у себя в груди какую-то пустоту. Ощущение нереальности происходящего не покидает всю дорогу до города.

Апрель-май 1981 года. Четыре дня ждем в Доме культуры имени Лобкова решения своей участи (стационарного сборного пункта в городе Омске тогда еще не было, и призывников собирали для отправки в городских Домах культуры, имени Лобкова и «Металлисте»). На пятый день приехали «покупатели»-пограничники: майор, капитан (фамилия капитана Киушкин, по стечению обстоятельств встреч с ним у меня будет несколько, но об этом потом) и с ними два сержанта. Нас грузят в поезд и увозят из Омска на восток, станция назначения – Красноярск. В Красноярске переезжаем с железнодорожного вокзала в аэропорт. Спецрейсом на ТУ-154 до Сахалина. Сахалинский аэропорт, погрузка в военные грузовики, и вот мы в Анивском учебном центре. Нас передевают в военную форму. Мы сразу перестаем узнавать друг друга, настолько делаемся все похожими: в хэбэшках, бушлатах, сапогах и зеленых фуражках. Из Анивы нас перевозят в Южно-Сахалинск, где мы узнаем, что повезут нас еще дальше, на Курильские острова. Две недели на Сахалине в ожидании погоды. Живем в спортивном зале Сахалинского отряда, спим на матрасах, расстеленных прямо на полу. Днем занимаемся строевой подготовкой или смотрим в клубе фильм «Любовь земная», один и тот же фильм по три-четыре раза в день. И вот наконец-то погрузка на теплоход «Ольга Андровская», недолгий путь по Тихому океану и мы в Южно-Курильске, на острове Кунашир. Поздний вечер, темно и идет мелкий моросящий дождь. Опять грузимся в машины и

едем в поселок с красивым названием «Горячий пляж». Там располагается пограничный отряд, гарнизон в/ч 2255, где нам и предстоит служить два положенных года. Отряд со славным боевым прошлым, носящий имя Руцукский ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени пограничный отряд. Вскоре я оказываюсь зачисленным на учебную заставу по подготовке радиотелеграфистов. Довольно благородная воинская профессия, я бы сказал в чем-то интеллигентная. Вместе со мной земляк Зайцев Василий.

Часть 3. Пограничные особые войска.

28 мая 1981 года. Праздник. День пограничника. К этому времени мы уже точно знаем, что пограничные войска КГБ СССР – самые лучшие войска не только у нас в стране, но и в мире. Мы с большой гордостью осознаем свою особенность, мы просто влюбляемся в свои зеленые погоны и зеленую фуражку. Надо сказать, что эту любовь я сохранил до сих пор, и с гордостью храню военную парадную форму, и, конечно же, зеленую фуражку. Это святое.

28 июня 1981 года. День принятия военной присяги. Каждый, кто проходил военную службу, принимал военную присягу – давал клятву на верность Родине. Присягу мы принимаем единственный раз в жизни, а остаемся верны ей всю жизнь. И это не просто слова, в этом смысл жизни, жизни человека военного. Именно со дня принятия присяги понимаем до конца свою полезность здесь. Да, мы пока учимся, приобретаем военную специальность, но уже охраняем границу СССР с Японией. Произошел своеобразный психологический перелом, мне кажется, что я готов с оружием в руках защищать остров Кунашир, который еще совсем недавно я и на карте-то не замечал. Я пограничник.

Лето 1981 года. Идут активные занятия на учебном пункте. Нагрузка очень серьезная. Я до армии занимался спортом, имел первый юношеский разряд по лыжам, неплохо овладел перекладиной и брусьями. Но все равно усталость огромная. Ночами сводит судорогой мышцы ног, мы много бегаем, почти ежедневно пробегаем по шесть километров. До сопки с ласковым названием «Любимая» и обратно, на Курилах не хватает кислорода, по сравнению с материком, это для нас, людей равнинных, ощутимо. Кроме физической подготовки у нас строевая, тактическая, огневая, химическая подготовка и, конечно же, специальные занятия в радиоклассе. Ведь из нас

готовят радиотелеграфистов. Я довольно таки на хорошем счету, сам от себя не ожидал такого. Прием и передачу на ключе освоил, показываю второй результат на нашей учебной заставе. Первый Валера Гордеев, но он пришел служить после школы ДОСААФ, где занимался радиodelом. Хорошо учиться смысл есть. Нам сказали, что лучших после «учебки» направят на заставы, а троечники останутся в отряде в роте связи. Мы все хотим на заставу и стараемся, как можем.

Много работаем. На Курильские острова все, что необходимо, завозится с материка. Что завезут летом, то и будут использовать в течение долгой снежной зимы. Мы периодически выезжаем на пирс Южно-Курильска, разгружаем баржи: от угля до продуктов питания. Разгрузка идет круглосуточно, и днем, и ночью. Особенно «радуют» мешки с солью, тяжелые и мокрые (соль впитала влагу морского воздуха). А еще ремонтируем дороги, засыпаем выбоины грунтом, шлаком и т.п. Скучать некогда.

В июле на южную оконечность острова Сахалин обрушился тайфун. Затопило Аниву. А нашему Кунаширу досталось меньше, но ветер и ливень были что надо. Нас подняли по тревоге, в самый дождь мы спасали дорогу от размывания. Перегораживали путь несущемуся под горку дождевому потоку: в дело шли бревна, рельсы, бочки. Дорогу не смыло, но мы промокли до нитки. Одно слово – Курилы...

А вот природа на Курилах необычно красива. Величественный вулкан Тятя, из жерла которого постоянно идет дым. Сопки, поросшие непроходимым пихтовником, заросли курильского бамбука. Быстрые горные речки с холодной и прозрачной водой. Высокая, как деревья трава и низкорослый кедровый стланник. И, конечно же, океанский берег. Песок, камни, приливы и отливы, множество морских обитателей: крабы, моллюски, морские звезды. Птичьи базары, поражающие количеством птиц, летающих, ныряющих, кричащих. Вот только любоваться красотами природы особо некогда. Служба продолжается...

Сентябрь 1981 года. Заканчивается наша подготовка на учебном пункте. Скоро выпуск и распределение на постоянное место службы. Проходим собеседование с представителями командования отряда. Нас спрашивают, где бы мы хотели служить дальше. Конечно же, на заставе. Прошло распределение. С разочарованием узнаю, что нас, мягко говоря, обманули. Все троечники распределены по заставам, а тех, кто учился на «4» и «5» оставляют в роте связи или направляют в комендатуры. Нас с Валерой Гордеевым направляют в первую комендатуру на Малую Курильскую гряду.

Что ж, все же лучше, чем в роте связи. Ждем отправки. Занятий нет, свободного времени больше, учебный пункт разъезжается по заставам. Довольно грустно, за неполные полгода сроднились, привыкли друг к другу.

Октябрь 1981 года. Нас, тех, кто едет по распределению на Малую Курильскую гряду, в комендатуру и на заставы, вызывают в штаб отряда, выдают сопроводительные документы. Почему-то меня назначают старшим. Все сопроводительные документы у меня и я отвечаю за всю группу. Привозят в Южно-Курильск. У причала все та же «Ольга Андровская», теплоход, на котором нас везли с Сахалина. На ней нас должен встретить капитан Киушкин (о нем я упоминал раньше, оказывается, он тоже служит в первой комендатуре). Нам не дали с собой ни сухого пайка, ни денег, и капитан Киушкин нас не встретил. Плыдем всю ночь голодные и мрачные, что нас ждет впереди? Утром подходим к острову Шикотан, это уже Малая Курильская гряда. Мы с Валерой сходим на берег, остальные наши плывут дальше, их развезут по островам. Комендатура нам очень понравилась, гарнизон небольшой, дружный, ни о какой дедовщине даже и не слышно. Надо сказать, что в то время пограничные войска и в этом вопросе выгодно отличались от советской армии, дедовщина была редким явлением. Первое время мы стажиремся у опытных радиотелеграфистов. Через две недели нас начинают направлять на дежурство одних, самостоятельно работаем на Р-132 и Р-140, у меня хорошо получается прием радиограмм, а у Валеры передача. Навыки приходят быстро. Служба мне определенно нравится, даже не думал, что будет так.

Часть 4. Дорога в неведомое.

Ноябрь 1981 года. Сергей Бородин, мой наставник-радиотелеграфист во время своего дежурства принял радиограмму из отряда, отнес ее, как полагается, шифровальщику, а потом сразу пришел ко мне. Именно он сообщил, что меня приказано отправить в отряд, на Кунашир, с полным расчетом, то есть меня убирают из комендатуры. Почему и за что, об этом в радиограмме не говорилось. Стал собирать свои нехитрые вещи. Мне дружно выражали сочувствие сослуживцы по комендатуре, строили предположения, почему переводят в отряд. Мнения определенного не было. Я собрался и стал ждать, ждать вертолет, так приказано. Просто сидел и ощущал свою ненужность в комендатуре. Вертолет прилетел только на другой день и

привез еще нескольких человек таких же, как я, с застав Малой гряды. Среди них были и те, с кем еще недавно мы приплыли сюда на «Ольге Андровской». Причину нашего перевода в отряд не знал никто, просто строили догадки. Комендант первой комендатуры майор Голанский сказал нам напутственные слова, пожелал удачи на новом месте службы. А на наши вопросы ответил, что нас не просто переводят в отряд, а направляют с Курил на советско-китайскую границу, в город Камень-Рыболов, а вот зачем переводят, не сказал, не знал сам или не мог говорить. Мы стали строить догадки. Остановились на мнении, что на китайской границе создают новую заставу, и мы будем служить там. Эта мысль прижилась и окрепла. Прилетели в отряд и увидели, что мы не одни, нас человек тридцать, тех, кого отправляют в Камень-Рыболов, отслуживших полгода или год на Курилах. Нас рассчитали и в отряде, выдали все, что положено солдату-пограничнику, кроме оружия, и почему-то дали тревожные ремни с наплечниками и стальные каски (каска мы вообще держали в руках впервые). Мы временно находились в казарме родного учебного пункта. Новый начальник учебного пункта майор Соколов, увидев наши каски, сказал загадочную фразу: «Я знаю, куда и зачем вас отправляют. На Памир». Подробнее не объяснил, но породил разные мысли. А правду мы вскоре узнали от офицера особого отдела старшего лейтенанта Соловьева, он провел с нами беседу и как-то очень уж буднично сказал, что мы едем в Афганистан. Соловьев просил нас об этом не болтать, домой писем не писать до особого распоряжения, приглядываться повнимательнее к солдатам-мусульманам, среди нас были несколько омских казахов и татар, нормальные советские ребята. В голове у меня опять включился какой-то счетчик. Время стремительно стало раскручиваться вперед. Где Курилы и где Афганистан, как вообще это возможно, что пограничников с Курил переводят в Афганистан?

Вот и день отправки. Мы на пирсе в Южно-Курильске, выстроились подковой, как позволило место. Подъехал командир части в/ч 2255 полковник Попов, обошел наш строй и поговорил с каждым. Предложил подумать, если есть какие-то сомнения, можно остаться в отряде. Об этом никто не будет знать, просто продолжим службу на Курилах. Не отказался никто, мы осознанно дали согласие на отправку в Афганистан. Полковник Попов каждому пожал руку, обходя строй, кого-то даже по-отечески обнял за плечи. Все, началась погрузка на танковоз, такую большую железную посудину. Нас доставят на внешний рейд, где уже ждет ПСКР – пограничный сторожевой корабль. Внешний рейд – это открытый океан, большая волна и качка. Танковоз подходит к борту корабля, вместо привычного уже трапа

опускают штурм-трап, а проще говоря, веревочную лестницу. В момент, когда оба судна касаются бортами, нужно ухватиться за лестницу и начать подниматься на борт ПСКРа. За плечами вещмешок, который тянет вниз. Прыжок и вверх, как обезьяна. Посмотрел вниз, а подо мной уже не дно танковоза, а пенящаяся океанская зеленоватая вода. Где-то под ложечкой похолодело. Скорее наверх, моряки-пограничники уже подхватывают и переваливают через борт, весело комментируя свои действия. Погрузка прошла удачно, все на борту, с нами два офицера, старшие лейтенанты, и их жены. Они тоже едут с нами в Камень-Рыболов. Идем, минуя Сахалин, курсом на Владивосток. Качка сильная, лежим вповалку на полу в каком-то помещении без иллюминаторов и с кучей горячих труб. Мы не моряки, морская болезнь свалила нас сразу. Скорость у ПСКРа не то, что у пассажирского теплохода, а тут еще моряки устроили какие-то стрельбы из своих крупнокалиберных пулеметов. Тошно. Скорее бы берег. Пришли во Владивосток, на катере нас доставили с корабля на пирс. Переночевали в окружной комендатуре, а утром на поезд и в Камень-Рыболов, к месту назначения.

Здесь, в Камне-Рыболове формировали нашу мотоманевренную группу Тихоокеанского пограничного округа для отправки в Афганистан. До нас таких формирований еще не было, мы первые. Мотоманевренная группа была сформирована по типу отдельного усиленного мотострелкового батальона. В мангруппу (так мы сокращенно стали называть свое формирование) собрали пограничников, таких же, как и мы со всех отрядов Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа (КТПО). Нам предстояло в течение двух недель пройти специальную подготовку здесь, в Камне-Рыболове, в в/ч 2097, и стать боеспособным подразделением. У каждого из нас была своя воинская должность. Я вначале был назначен старшим стрелком (ручной пулемет Калашникова), но затем, почти сразу, переведен в снайперы. Нам выдали новое оружие, мы сами распаковывали ящики, обтирали с оружия смазку, радовались, как дети всему необычному. Я получил свою СВД (снайперскую винтовку Драгунова) №13651, никогда не забуду этот номер, он отпечатался в памяти и не сотрется.

Начались ежедневные занятия. Что это были за занятия... Мы ежедневно рано утром, пока город еще спал, собравшись по полной боевой, уходили километров за пять от города на полигон. В конце ноября – начале декабря 1981 года в Приморье снега еще не было, но морозы были, и ветер дул пронизывающий. Мы весь день занимались тактической и огневой подготовкой. Перебежки и переползания, «отделение в наступлении и в обороне», «застава в наступлении». Стрельба днем и в темное время суток.

Десантирование из бронетранспортеров. Для тренировки из отряда пригнали несколько БТР-60 и БМП, у нас на Курилах такой техники не было, а здесь ее приходилось осваивать с нуля. В редкие минуты отдыха пытались разводить костры из патронных ящиков, но на это сразу же офицеры наложили запрет. Костров нам не полагалось. Кормили обедом здесь же в поле из походных кухонь. Если наша застава обедает первой, то едим горячее. А если задерживаемся, то холодная перловая каша примерзает к котелку. Меня назначили агитатором в своем 3-м отделении 2-й заставы. В мои обязанности входило по распоряжению замполита писать «Боевые листки» об успехах и неудачах нашего отделения. Мне выдали походную «Ленинскую комнату», такой складывающийся громоздкий фанерный планшет в виде плоского чемодана. Кроме винтовки, подсумка с пятью магазинами, противогаза, ОЗК, малой саперной лопатки я должен был ежедневно нести с собой этот чемодан. Ручка от него оторвалась в первый же день, и носил я его, взгромоздив на плечо и мешая тем самым идущим рядом со мной солдатам. Но боевые листки мы выпускали своевременно, даже в походных условиях. К вечеру от усталости валялись с ног, а нужно было еще дойти, добежать с полигона до Камня-Рыболова. И так изо дня в день, две недели. Но навыки мы приобрели очень хорошие, и пригодились они нам в дальнейшем основательно.

Много внимания уделялось нашей психологической подготовке. Политзанятия, беседы носили направленный характер. Мы начинали понимать поставленную перед нами задачу, защитить границу, к которой рвутся бандформирования наемников. Мы обрели образ избранных судьбой и гордились этим. Хорошо помню встречу с полковником Юрием Бабанским, Героем Советского Союза. В марте 1969 года во время событий на острове Даманский младший сержант Бабанский заменил погибших офицеров заставы, принял командование заставой на себя и продержался до подхода основных сил. Мы знали о подвиге советских пограничников на Даманском, но здесь перед нами был живой участник того боя, сам легендарный Бабанский. Он специально приехал в Камень-Рыболов, чтобы встретиться с нами, рассказать нам подробно о событиях на Даманском и пожелать удачи в нашей нелегкой службе в Афганистане. Значение этой встречи для нас было огромным.

Декабрь 1981 года. 5 декабря нас отправляли из Камня воинским эшелоном до Термеза. Утром на плацу выстроился весь личный состав гарнизона в/ч 2097, было вынесено знамя отряда. Были сказаны необходимые в таких случаях слова напутствия, команда «По машинам» и под

оркестровый марш «Прощание славянки» мы поехали на железнодорожный вокзал. Для нас выделен специальный эшелон. Мы все возем с собой, кроме техники. БТРы и БМП мы получим в Термезе. Оружие наше упаковано в ящики и погружено в вагоны. В одном из грузовых вагонов установлены походные кухни, наши повара во время движения эшелона готовят пищу, а получаем мы ее в момент коротких остановок. Эшелон идет на запад. Проезжаем Хабаровск, Читу, Иркутск (ночью с любопытством разглядываем озеро Байкал). Выходить из вагонов на станциях нам строго запрещено, писать письма домой нельзя. Я последнее письмо написал еще в октябре, когда приехал в комендатуру из учебного пункта. Представляю, что думают сейчас мои родители, наверняка очень переживают, потеряв со мною связь. Так оно и получилось. Не имея от меня сведений более полутора месяцев, родители обратились в военкомат и написали в часть, на Курилы. Отрадно, что ответил им очень быстро сам командир части в/ч 2255 полковник Попов. Он сообщил, что я переведен к новому месту службы, в Среднеазиатский пограничный округ, просил не волноваться. В Красноярске делаем длительную остановку. Нас ведут в городскую баню. Красноярск не пограничный город, а тут по улицам идет строй из четырехсот пограничников. А командуют офицеры в общевойсковой форме, кое-кто из наших офицеров уже успел форму сменить. Удивлению у проходящих мимо красноярцев не было предела. Интересно, что думали они, глядя на нас? Продолжаем движение, проезжаем Новосибирск, Барнаул. Мы почти все родом их Сибири – из Омска, Тюмени, Новосибирска, Кемерово, Красноярска, Алтая. Проезжаем совсем близко от дома, а сообщить об этом родным не можем. Зима заканчивается, в южном Казахстане снова въезжаем в раннюю осень, снега нет, тепло. Джамбул, Чимкент. А вот и Ташкент, стоим недолго на задворках станции, из вагонов не выходим. И дальше на юг. На южном направлении множество воинских эшелонов, с техникой и личным составом. Направляются они, похоже, туда же, куда и мы. 25 декабря приезжаем в Термез, проходим мимо города и останавливаемся в каком-то тупике в пустыне. Начинается разгрузка эшелона. Выгрузили все, что возли с собой, поезд идет обратно, проводники прощально машут нам руками. Остаемся одни со своим военным скарбом посреди пустыни возле ржавого железнодорожного тупика. Разбиваем полевой лагерь, ставим палатки. Здесь мы будем готовиться к отправке в Афганистан.

Опять начались тактические занятия, теперь уже в условиях пустыни. Привыкаем к местности, климату. Получили новые БТР-70 и БМП-1. Много стреляем, в том числе в движении из бронетранспортеров по расставленным вдоль дороги ростовым мишеням. Устраиваем засады, стараясь обнаружить

друг друга. Эти занятия в дальнейшем нам оченьгодились. Мы всегда выгодно отличались от подразделений 40-й армии, отличались своей подготовленностью и дисциплинированностью.

Часть 5. Дорогами Афганистана.

Январь 1982 года. Встретили новый, 1982 год. Посмотрели телевизор, съели праздничный ужин. 1 января снова усиленные тренировки. Ждем с нетерпением перехода границы. Для нас организовали встречу с двумя ребятами из десантно-штурмовой группы погранвойск. Они уже побывали в Афганистане, повоевали, поэтому общались мы с ними с неподдельным интересом. 9 января нам выдали по боекомплекту патронов, мы снарядили магазины. Свои зеленые пограничные погоны и петлицы срезали и сдали, а взамен нашили обычные полевые общевойсковые. Сдали на хранение в штаб отряда все свои документы и письма. Мы в полушерстяном обмундировании и в шапках, ведь приехали из зимы. А в остальном обычные солдаты советской армии, но в душе мы особенные, мы – пограничники. Общее построение на нашем полевом плацу. К нам приехал генерал-лейтенант из округа. Поблагодарил за службу, сказал, что завтра мы перейдем границу. Предложил подумать, кто не уверен в себе, может остаться здесь. Без каких-либо последствий. Не смалодушничал никто, мы готовы к выполнению специального задания, мы действительно добровольцы. Разрешили написать письма домой, но с условием, что в письме не будет информации об отправке нас в Афганистан. Написал родителям, что буду служить на заставе на советско-афганской границе, подробно описал среднеазиатскую природу, что еще напишешь, если нельзя писать правду. Наш адрес был не «полевая почта» как у 40-й армии, а адрес Термезского отряда, в/ч 2099, к которому мы теперь относились. Поэтому родители, прочитав мое письмо, поверили и обрадовались, что теперь я ближе от дома, чем когда был на Курилах.

Рано утром 10 января подъем по тревоге, погрузка в бронетранспортеры и в путь. Идем колонной к границе. Переходим Амударью по понтонному мосту, изогнувшемуся по течению. Начинает светать, а мы уже на левом, афганском берегу реки, вблизи небольшого городка Хайратон. Неподалеку строящийся мост через Амударью, но пока по нему еще не ездят. Мы вошли в Афганистан. Что нас ждет здесь? Я думаю, что этот вопрос задавал себе каждый. Где будет базироваться наша группа? Говорят, что вариантов два: первый, пустыня, второй, некий оазис с крепостью. Где будем мы, не

известно. Мы вошли двумя группами Термезского пограничного отряда, к которому мы теперь приписаны. Наша ММГ №2 – с Дальнего Востока. ММГ №1 – из Закавказского пограничного округа. Для усиления ММГ-1 отдана одна наша минометная батарея и одна из застав на БМП. В ММГ-1 ребята в основном с Украины и европейской России, именно они охраняют южные границы, наши сибиряки их слегка разбавили. Идем колонной по трассе Хайратон – Кабул. Делаем все, как нас учили. Во время движения стволы стрелкового оружия в бойницы, стволы пулеметов БТРов и пушек БМП повернуты налево-направо по ходу движения. Наша колонна вызывает удивление у встречающихся подразделений 40-й армии, новенькая техника и колонна, ощетинившаяся оружием. Пройдя километров пятьдесят, останавливаемся и начинаем обустроить полевой лагерь вблизи дороги.

Первая ночь на афганской земле. Мы окружили свой полевой лагерь окопами полного профиля, соединив их ходами сообщения, сколько успели выкопать до наступления темноты. Заняли круговую оборону, готовясь отразить любое нападение. С полночи и до утра дежурили по очереди. Половина личного состава в окопах, половина в палатках отдыхает, не раздеваясь, не снимая сапог и с оружием наготове. Всю ночь где-то вдалеке, там, где были видны горы, стреляли из пулемета, были видны светящиеся трассеры. На душе было не спокойно.

Утром два БТРа разведки пошли по трассе дальше, к видневшемуся населенному пункту. Мы стали сворачивать лагерь, понимая, что поедем дальше. Это радовало. Уж очень убогим было это место у дороги, чтобы оставаться здесь надолго. Часа через три вернулись разведчики. Их рассказ превзошел все ожидания. Впереди городок Ташкурган (провинция Саманган), на окраине его северная резиденция короля Афганистана с крепостью и дворцом, там и будет наш постоянный лагерь. Техника выстраивается в колонну, идем к Ташкургану. Начинаем привыкать к афганским пейзажам, но все же не покидает ощущение, что по велению какой-то машины времени мы оказались в средневековье. Глинобитные домики и заборы-дувалы, уличные восточные базары, работающие на полях крестьяне, пахущие землю на быках деревянной сохой. Входим в крепость, глинобитные толстые стены метра четыре высотой, наверное, помнят нашествие Чингисхана, такие они кажутся древние. А дворец настоящий, с белыми колоннами и куполом. Перед дворцом большой бассейн с рыбками. А вокруг множество разных деревьев. И много птиц: белые голуби и скворцы-майны. Крик этих восточных скворцов резкий и пронзительный и сейчас будто стоит у меня в ушах. Мы занимаем территорию крепости, еще плохо представляя, что здесь нам и предстоит служить оставшееся время.

Мы живем в больших армейских палатках на двадцать человек. Обустраиваем лагерь, с внешней стороны крепости по периметру вкапываем столбы, саперы натягивают на них колючую проволоку, разбрасывают паутину малозаметного препятствия, устанавливают минное поле между стенами и забором из колючей проволоки. Работать приходится много. А кроме этого несем боевое дежурство по охране своего лагеря. На нас пока никто не нападает и похоже не собирается. Начинаем привыкать к новому военному быту.

Февраль 1982 года. Продолжаем обустраивать свой лагерь. Строим баню: по очереди выезжаем за пределы лагеря, грузим в машины камни и глину. Из камней строим стены будущей бани, вместо раствора – глина. Пол и стены бани из деревянных щитов от снарядных ящиков. Баня получилась довольно неказистая снаружи, но хорошая внутри. Вода нагревается форсункой, установленной снаружи и работающей на дизельном топливе. Пока не было бани, мылись в походной – большая прорезиненная палатка и чуть теплая вода. Поэтому новой бане мы очень рады.

Начали копать блиндажи, большие, чтобы вся мангруппа вошла. Грунт такой, что лопаты наши сворачиваются в стружку. Долбим киркой, вычищаем и снова долбим, до кровавых мозолей на руках. Саперы используют служебное положение, пытаются взрывать грунт на месте своего блиндажа. Но и у них не очень-то получается. Солдатская молва сообщает о предстоящей боевой операции. Скорее бы, ведь не блиндажи же мы сюда приехали строить.

Рано утром нас поднимают по тревоге. Получаем боеприпасы, сухой паек, грузимся на БТРы. Колонна выходит из лагеря и движется куда-то по еле заметной дороге среди сопок. Темно, дождь и слякоть. Идем недолго, начинает светать, когда мы окружаем довольно большой кишлак. Каждый из нас уже знает, что он должен делать. Механики-водители ставят БТРы и БМП по периметру кишлака метрах в ста друг от друга. Мы начинаем окапываться около БТРа, одновременно ведем наблюдение за кишлаком. Контролируем ситуацию, никто не должен ни выйти из кишлака, ни зайти в него. Сегодня мы помогаем афганской милиции (царандою) набирать призывников в армию. У них призывной возраст от 18 до 40 лет, а если потерял справку, что уже прошел службу, то могут запросто взять снова. Афганцев в буквальном смысле забирают в армию, добровольцев служить находится мало. В кишлаке может оказаться банда, тогда царандою без нашей помощи не обойтись. Для этого мы здесь и находимся. Операция прошла гладко. Приехали афганцы, зашли в кишлак, собрали призывников.

Те, кто пытался вырваться, не ушли дальше нашего оцепления. Мы их задержали и передали афганцам. До обеда успели таким же образом обработать и второй кишлак. Вот и вся операция. Без выстрелов. Возвращаемся в свой лагерь.

Март 1982 года. Погиб Роман Подольский из взвода обеспечения. Парень нашего призыва, прослужил меньше года. Он родом с Сахалина и служил там же. На материке до армии был всего один раз, ездили классом по туристической путевке в Хабаровск. Когда мы ехали в эшелоне в одном вагоне до Термеза, он смотрел во все глаза, стараясь запомнить вид за окном. Говорил, что будет, о чем рассказать родным после дембеля. И вот погиб. Нелепо, случайно. Сказалась неопытность нашего обращения с постоянно заряженным оружием. Случайный выстрел и пуля в сердце Ромке, очень нелепая смерть. Тяжело осознавать, что нашего призыва, и уже погиб.

Все чаще к нам приходят колонны из отряда. Привозят различные грузы. Мы их выезжаем встречать, сопровождаем до места. Продолжаем обустраивать наш лагерь. Разрешили написать родным правду о том, где мы служим. Написал и я.

Говорят, что в апреле ожидается очень крупная боевая операция. Ждем с нетерпением.

15 марта мне исполнилось 19 лет. Меня освободили на весь этот день от несения службы. Отдыхаю, слоняюсь без дела, от этого время идет медленно. Ближе к вечеру «Тревога». Команда по машинам. Колонна быстро выходит из лагеря и движется за город, в пустыню. Оказалось, что идем в ночную засаду на караванную тропу. Углубляемся в пески, занимаем место на чуть заметной караванной тропе, окапываемся. Какое же это бесполезное дело копать окоп в песке. Мы роем окоп на караванной тропе. Видимо по этой тропе караваны ходят не одно столетие. В песке нам попадается перстень – серебряный и очень старый, на его плоской части выгравирован бегущий гепард. Возможно, что его владелец ровесник Чингисхана или еще старше. Перстень столь долго пролежал в земле, что распался у нас в руках на четыре части. Эту археологическую вещицу мы отдали нашему замполиту, старшему лейтенанту Привалову, на память.

Быстро стемнело, ждем. Метрах в ста в стороне какое-то движение. Включаем прожектор, верблюды, но без груза и людей не видно. Наш БТР №171 к ним ближе всех. Срываемся с Тихоновым Толей и бежим вдвоем с оружием к верблюдам. Вопрос, зачем? Как-то не подумали. Добежали, залегли, осмотрелись, перевели дыхание. Людей нет, а верблюды, похоже, просто пасутся ночью. Идем обратно, а прожектористы высвечивают нас.

Идем как по волшебной голубоватой дороге. Зачем они светят? Чувствуем себя мишенями, неприятно. Ближе к полуночи подул ветер, песок пришел в движение. Мы слышали, что здесь бывает ветер-афганец, вызывающий пыльные бури. Похоже, придется испытать на себе. Нас просто заносит песком. Сидим на краю окопа, песок хрустит на зубах, попадает под одежду и в сапоги. Вскоре окоп превращается в бугорок из песка. Темно так, что не видим друг друга. Ближе к утру увидели перед собой идущего человека. Попытались стрелять, а затворы забиты песком, оружие не действует. Наш пулеметчик Саша Меженцев со словами «Прикройте, иду брать», убегает в темноту. Пока мы думаем, как прикрывать, он возвращается вместе с нашим капитаном. Оказывается, капитан пошел проверять наше боевое охранение и сбился с пути. Интересно, куда бы он ушел, если бы не Меженцев? А если бы наше оружие было не забито песком? К утру ветер стихает, возвращаемся в лагерь. Вот такой незабываемый мой день рождения.

Очередная операция. Выходим поздно вечером на трех БТРах на окраину Ташкургана. Перекрываем тропу, которая проходит между кладбищем и большим садом. БТРы оставляют нас и уходят в сторону, мы в засаде. Кто пойдет по тропе, задержим или уничтожим. Без БТРов не очень-то уютно. Дежури́м на тропе по двое, остальные сидят на краю кладбища в каком-то глиняном «мавзолее»: крыша проломлена, видны звезды, а по углам могильные холмики. Не очень-то веселая картинка. Увидели бы меня мои родные: сижу на старом могильном холмике, на голове каска, на поясе подсумок с магазинами и сумка с гранатами, в руках консервная банка с сухим пайком, я ем из нее кашу штык-ножом от винтовки. Такой натюрморт. Ночь проходит без происшествий, никто не пошел по тропе. Снимаемся и возвращаемся в лагерь.

Мы стали более активны в своих действиях против бандформирований. Их ответная реакция: нам объявили джихад – священную войну. Не всему ограниченному контингенту советских войск в Афганистане, а именно нам, нашей маневренной группе. В нашей зоне ответственности стало больше вооруженных отрядов повстанцев, существовавшее негласное перемирие закончилось. Наш лагерь стали часто обстреливать из стрелкового оружия и гранатометов. Интересно, что вооружают басмачей наши вероятные противники: США, Китай. Стрелковое оружие американского и китайского производства, но большая часть советское, попавшее в Афганистан через третьи страны. Автоматы АК-47 и АКМ (в основном китайского производства по советской лицензии), ППШ времен Великой Отечественной, советские винтовки и карабины, гранатометы РПГ-5, пистолеты ТТ, гранаты Ф-1. От американцев у басмачей винтовки М-16 (встречаем их редко),

гранатометы, итальянские противотанковые мины, пистолеты. Со времен колониального присутствия Англии у басмачей остались винтовки «Буры» (возможно, что по-английски это звучит иначе, но мы называем их так). Стрелковое оружие мало чем уступает имеющемуся у нас. Хорошо, что у них нет бронетехники и авиации. Инструкторы, готовящие вооруженные группы на территории Пакистана и Ирана, американские и китайские. Об этом мы узнаем на политзанятиях, а оружие видим у убитых боевиков.

Апрель 1982 года. Первая очень крупная операция, Ташкурганская. Задействованы большие силы. Две наших мангруппы, три или четыре пограничных десантно-штурмовых группы и немалое количество подразделений 201-й дивизии 40-й армии. Одновременно окружаем город со всех сторон. В сопках, где не может пройти техника, высаживаются ДШ (десантно-штурмовые группы). По данным разведки в городе скопилось большое количество басмачей (так мы тогда называли душманов). Кольцо окружения замыкается вовремя, уйти они не смогли. Примерно в километре от нас пытаются прорваться по распадку между сопкок басмачи. Наблюдаем со стороны работу ДШ, слушаем рацию, мы на одной волне и можем слушать их переговоры. Жесткая скоротечная перестрелка и басмачи сдались, довольно большая группа. На нашем участке по городу активно работает минометная батарея. А с другого конца по городу бьет артиллерия 201-й дивизии. Подразделения афганской армии пытаются войти в город, начать проческу, но не тут-то было. Боевиков действительно много, обороняются жестоко. Подходит БРДМ с громкоговорителем, машина пропаганды. Переводчик-таджик начинает вещать на город, призывая мирных жителей выходить на его окраины. Кто не выйдет, того будем считать басмачами. А в городе население тысяч тридцать. Повалили дружно, большими толпами. В основном женщины с детьми и старики, мужчин мало. В срочном порядке организовывается фильтропункт для проверки выходящих из города людей. Наше отделение вместе с БТРом направляют на охрану фильтропункта. Занимаем позицию на склоне сопки, внизу афганцы. С ними начинают работать переводчики и афганская госбезопасность (ХАД). Появляется какая-то наша группа в форме без погон и без знаков различия, по виду все офицеры, себя называют группой «Кобальт» (позднее нам скажут, что это спецподразделение МВД СССР, но так это или нет, не знаю до сих пор). Занимаются допросами пленных. Мы устанавливаем для них отдельную палатку. Они заводят в нее для допроса подозрительных задержанных афганцев, допрашивают жестоко. Для нас это неожиданность, не советский способ допроса пленных, хотя понимаем, что по-другому нельзя, враг есть

враг. «Кобальтовцы» быстро вычисляют среди задержанных человек десять активных басмачей. Учат заодно и нас, как осматривать правое плечо, нет ли следов от ремня и приклада, как обнаружить мозоль от спускового крючка на указательном пальце или опаленные волосы на виске. Трех молодых афганцев опознали местные жители, они прошли обучение в Пакистане, активные боевики. Вечером нам приказали посадить этих троих на землю в стороне от основной массы задержанных. Дать им возможность бежать, а когда побегут, стрелять на поражение. Они непримиримые боевики и передавать их афганцам нет резона, вскоре снова окажутся в банде. Мы ждали всю ночь как в тире. Они не побежали, или не было сил, или разгадали наши намерения. Утром привезли раненого афганца, лежащего на деревянных носилках, застеленных бархатным одеялом. Он ранен в правое бедро осколком НУРСа (неуправляемый реактивный снаряд), нога распухла и почернела, похоже, у него гангрена. Мужик лет сорока, боль переносит стойко, лишь скрипит зубами и иногда постанывает. Он командир группы боевиков, они его раненого ночью сами вынесли к нашему оцеплению и оставили в надежде на нашу гуманность. А у другого пленного, старика совсем, при обыске в доме нашли окровавленную советскую форму. Соседи рассказали, что в его доме держали раненого советского солдата, потом убили зверски. При допросе он признался в этом, а еще сказал с гордостью, что у него сын главарь одной из банд. В один из дней прилетел вертолет, сел вблизи нашего фильтропункта. Кроме летчиков в нем находился какой-то советский в гражданской одежде. Кто он такой, мы не знали, но разговаривал строго, офицеры «Кобальта» стояли перед ним по стойке «Смирно». Он забрал с собой многих пленных и улетел. Кроме советского высокопоставленного представителя прилетал какой-то журналист с большим фотоаппаратом. Поговорил с «Кобальтом», сфотографировал пленных афганцев, для полноты картины позвал в кадр и нас. Жалею до сих пор, что не спросил у него, где, в каком издании будут размещены эти фотографии.

Погиб наш начальник мотоманевренной группы майор Бушин. Подорвался на mine здесь же на операции. Оторвало обе ноги, вызвали вертолет, в вертолете он и умер, не приходя в сознание. Трудно поверить, что именно Бушин погиб. В нас он вселял уверенность, своим видом, своим поведением. Думаю, уважали его все – и солдаты, и офицеры. Тяжело ранены два наших сержанта, которые шли вместе с Бушиным. Один явно останется на всю жизнь инвалидом. Пока мы к этому еще не привыкли.

Операция по очистке Ташкургона продолжается. Каждую ночь по городу делаются огневые налеты. По общей команде, переданной по рации,

начинают стрелять все, кто находится в оцеплении, стреляют из всех видов оружия по окраинам города, не давая тем самым басмачам сконцентрироваться для прорыва. Такая тактика себя оправдывает, хотя это и жестоко. А днем город обрабатывают вертолеты и артиллерия. Под конец операции подошли две установки «Град». Сделали залп по городу, поставив тем самым точку в операции. Подразделения афганцев прочесали город. Наши войска взяли кварталы города под контроль, на ключевых местах расставили посты афганской милиции при нашей поддержке. Операция завершилась. Наш фильтропункт работал еще неделю. Мы привыкаем к войне?

Как-то к нам приехали необычные гости. На автомобиле «Опель» (иномарок в то время мы никогда не видели) прибыла какая-то непонятная группа, пять человек в гражданской одежде, в джинсах и батниках, и все с оружием. Двое из приехавших сразу прошли в помещение нашей оперативной разведывательной группы, а оставшиеся с невозмутимым видом осматривали наш лагерь. Любопытство взяло верх, и мы подошли к ним. Оказалось, что они тоже пограничники, такие же, как мы, но задачу выполняют другую: участвуют в специальных разведывательных операциях. Называли они себя группой «Каскад», приехали из находящегося неподалеку города Пули-Хумри, они трое солдаты срочной службы, а двое ушедших в штаб офицеры. На протяжении нашей службы мы встречались с «Каскадом» неоднократно.

Май 1982 года. Находимся в лагере, занимаемся его обустройством. Съездили колонной в город Мазари-Шариф, на окраине которого размещена наша ММГ-1. Провели небольшую совместную операцию. Обошлось без потерь. В наш Ташкуртан похоже снова зашли басмачи. Нас стали часто обстреливать из стрелкового оружия и гранатометов, защищают высокие стены нашей крепости. Но раненые уже есть. Жара установилась невероятная, переносится тяжело, но ничего, привыкаем. Домой особо писать нечего, писать правду нельзя, а выдумывать не хочется. Пишем о природе и о погоде.

В середине мая очередная операция, очень необычная. Наконец-то достроен мост Дружбы через Амударью. Ожидается его торжественное открытие. На открытие приедет высокопоставленная советская делегация, а с афганской стороны будет сам председатель Революционного Совета Бабрак Кармаль. Обе наши маневренные группы будут обеспечивать прикрытие. ММГ-1 с левой стороны моста, наша ММГ-2 – с правой. Выходит вся наша группа, оставив в лагере небольшое подразделение для охраны. Занимаем

позиции от моста вдоль берега Амударьи, закрыв тем самым выход к границе с афганской стороны. Появилась информация, что боевики собираются взорвать новый мост. Наша задача его защитить. Мы не видели торжественного открытия моста, далековато были, да и кто бы нас туда пустил. Но время провели с пользой для дела. Басмачи не пришли, это хорошо. А мы по очереди дежурили в окопах, а в свободное время купались в небольших пойменных речушках, гоняли в высокой траве фазанов. А потом попробовали ловить рыбу в какой-то небольшой протоке. Сделали из швейной иглы крючок, вместо лески капроновая нить, импровизированная удочка готова. Рыба на наш крючок не пошла. Помогла солдатская смекалка. Стали глушить рыбу гранатами. Получилось удачно, только успевай, собирай оглушенную рыбу, пока не ожила. Наверное, это не гуманно, но консервы надоели, в горло не лезут, а тут свежая рыба. Операция закончилась, вернулись в лагерь, везя трофей – разобранную трибуну из листов ДСП, покрытых лаком. С этой трибуны выступал Кармаль, а мы используем ее для обустройства ленинской комнаты в блиндаже.

Июнь 1982 года. Июнь прошел относительно спокойно. Строили блиндажи, несли службу по охране своего лагеря, выезжали встречать колонны с грузами.

Июль 1982 года. Я был в наряде, стоял на посту, выносном посту №1 в окопе за стеной нашей крепости. Почувствовал себя очень плохо, голова разболелась так, что казалось, вот-вот взорвется. Поднялась температура. С поста нужно уходить, но решил дотянуть до конца дежурства. В арыке намочил маскхалат, надел мокрый на себя, стало легче. Выпил всю имеющуюся воду у себя и у ребят, дотерпел. Сменился с поста, пришел в палатку, фельдшер наш Кабанов Василий измерил мне температуру, ужаснулся, 40,5⁰ С. Меня подхватили под руки и в медпункт. После каких-то уколов уснул, как будто провалился в темноту. Под утро проснулся и понял, что стало еще хуже. Голова раскалывалась, сухой язык не помещался во рту. Прилетел вертолет, и меня отправили в Термез, в отрядный медпункт. Поставили диагноз: бронхит, а может быть пневмония. Стали прогревать и колоть антибиотики. А мне не становилось легче. Боюсь смотреть на термометр, 40,5 держится, как заколдованное. Лежу, слабею, отказываюсь от еды. Меня стали готовить к отправке в окружной госпиталь в Душанбе. Приехали представители оттуда, врачи, отобрали нескольких больных, а меня не взяли. Судя по их встревоженным лицам, не были уверены, что довезут. Стало как-то не по себе. К моему состоянию добавился озноб,

лихорадка и какие-то галлюцинации, постоянно повторяющиеся одни и те же картинки. Наступило какое-то равнодушие или оцепенение, не хочется ничего, ни думать, ни говорить. Просто лежу. Спустя несколько дней меня на машине «Скорой помощи» перевозят в Термезский военный госпиталь. Вначале в отделение терапии, где стали лечить от воспаления легких. Но пришел подполковник Темиров, заведующий инфекционным отделением. Он все сразу понял. У меня паратиф «А» (разновидность брюшного тифа) и очень тяжелый, по его отдельным фразам я понял, что он отчитывает медперсонал за то, что затянули, теперь я могу не выдержать. Грустно. О себе как-то не думается, а вот родителей жаль. На носилках меня перенесли в инфекционное отделение. Интенсивное лечение, не зная бы его никогда. Уколы и капельницы, таблетки тетрациклина и левомецитина внутрь. Постельный режим, неподвижность. Спасибо медсестрам, аккуратно поят из кружки, пытаются кормить с ложечки. Есть я не могу, а пью очень много. Спасибо подполковнику Темирову, меня вылечили. До болезни я весил семьдесят два килограмма, а после пятьдесят четыре. Скелет ходячий, но оживший, правда, на солдата похожий мало. Всех солдат, выписанных из госпиталя в один день со мной, погрузили в машину, чтобы развезти по подразделениям. А меня просто выпустили за ворота, пояснив, что отряд наш пограничный близко, дойду сам. Куда идти я не знаю, но признаться в этом неловко. Просто пошел по улице Термеза. Спросил у встречного мальчишки-узбека, где пограничный отряд. Спасибо ему, он меня проводил, довел, правда, не до отряда, а до складов. А там часовой-пограничник, я объяснил ему ситуацию, он указал куда идти. Так я добрался до КПП отряда. Мне дали отпуск, чтобы восстановил здоровье, набрался сил. Ехал домой с радостью, а дома мучительно захотелось обратно к себе, в родную мангруппу, к ребятам. Возвращался из отпуска в часть, думал, как бы не оставили продолжать службу в отряде. Обошлось. В штабе проверили мои документы и на другой же день отправили с колонной через границу, в родную мангруппу.

Сентябрь 1982 года. Моя служба продолжается. Я несказанно рад возвращению. Кажется, что отпуска домой, будто не было, мой дом здесь и меня окружают близкие мне люди. Я здоров и полон сил. Жизнь продолжается и я счастлив.

Октябрь 1982 года. Много работаем, достраиваем блиндажи. Огромные ямы готовы. Стены обложили бревнами. Крыша тоже из бревен в один накат, а поверх бревен слой глины с резаной соломой (по афганской методике). Пол в блиндаже из разобранных снарядных ящиков. Часто выезжаем на операции.

В основном это ночные засады. Боевиков в окрестностях стало больше, и оружие у них стало лучше, больше автоматов, пулеметов, гранатометов. Их поддерживают правительства США, Пакистана и Китая. Снабжают оружием, готовят на военных базах в Пакистане и переправляют в Афганистан для ведения военных действий против народной власти и наших войск. Боевики часто обстреливают наш лагерь. Несем службу по охране лагеря, дежури́м на башнях по углам крепости, ведем наблюдение, на стрельбу по нам отвечаем массированным огнем. Минометная батарея поднимается по тревоге по несколько раз в сутки. Бьет и бьет по городу из минометов, колонны подвозят мины, а мы используем пустые ящики из-под мин для обустройства блиндажей. Среди наших солдат и офицеров уже многие имеют ранения. Пограничная моя служба на Курилах кажется чем-то далеким и неправдоподобным. Реальность здесь, рядом. Мы никогда не говорим, что участвуем в войне, даже разговаривая между собой. Мы не говорим и о том, что выполняем интернациональный долг, разве что на политзанятиях. Но понимаем все. Мы даже внешне стали все похожи: обожженные под солнцем лица, выгоревшая добела форма, панамы на головах и пыльные стоптанные сапоги на ногах. Формой нас обеспечивают по той же норме, как если бы мы служили в Союзе, где-нибудь в комендантской роте. А здесь все изнашивается гораздо быстрее. Поэтому вид у нас очень даже не парадный. Но ведь не это главное. Мы понимаем свое предназначение. Мимо нашего лагеря проходит дорога на Кабул. Ежедневно по ней из Союза проходят десятки автомобильных колонн. С грузами для нашей армии, а также для афганцев. Им везут все: технику, продовольствие. СССР помогает развивающейся стране встать на ноги. А в сторону Союза по этой же дороге везут разгромленную советскую боевую технику: это потери наших войск на юге Афганистана. Не совсем понятно, кому же мы помогаем.

Ноябрь 1982 года. Умер генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев. Мы не сразу поверили в это сообщение, ведь Брежнев, нам он казался вечным, с позиций нашего возраста. Но по телевизору показали похороны. Что-то теперь будет в стране. Мы несем службу по усиленному режиму, опасаемся провокаций. Опять так же, как если бы мы служили в Союзе. А здесь-то и так, что ни день, то обстрел, какие еще провокации. Из сообщений по телевизору узнаем, что главой государства назначен Ю.В. Андропов. Мы несказанно рады. Ведь Андропов Председатель КГБ, генерал армии, наш главный чекист, а мы служим в пограничных войсках КГБ СССР. Это самые лучшие войска, поэтому и Андропов лучший. Теперь-то он наведет порядок в стране. Эта

тема нами обсуждается часто. Но в целом для нас ничего не изменилось. Служба продолжается все в том же режиме. На политзанятиях наш замполит капитан Полежаев объяснил нам, что в Политбюро ЦК КПСС сформировались две основные группы: приверженцы курса Брежнева во главе с К.У. Черненко и Ю.В. Андропов со своими сподвижниками. Между этими группами есть серьезные разногласия. Позднее станет понятно, как был прав капитан Полежаев. Через год с небольшим умрет Андропов, и руководить страной станет Черненко.

Мы окончательно достроили блиндаж и теперь можем сполна оценить его преимущества перед палаткой.

Декабрь 1982 года. Выезжаем на очередную операцию. Ночная засада в предгорье. Мы перекрыли тропу, по которой по данным разведки должна пойти банда. Выехали двумя заставами, на БТРах и БМП, только успели занять позицию, как стемнело. Ждем. Мы наделали много шума, и не верится, что боевики пойдут. Но ближе к утру они появились. Шли двумя небольшими группами, все с оружием. Мы открыли огонь почти одновременно из разных точек. Темнота и удаленность нам не помешали. Часть душманов ринулась бежать куда-то в темноту. БМП сорвалась с места и помчалась преследовать убежавших, стреляя из орудия и пулемета. По рации слышим радостное восклицание начальника мангруппы майора Тропина, он лично руководит операцией. Кажется, наводчик-оператор стрелял удачно. Теперь просто будем ждать, когда рассветет, вряд ли кто-то еще пойдет на нашу засаду. Утром идем осматривать место боя. На нашем участке находим троих убитых душманов, все с оружием. Берем оружие, но поступает команда собрать убитых боевиков для передачи афганским властям. Какое это мерзкое занятие. Трупы уже успели окоченеть в самых немыслимых позах, исковерканные и окровавленные. Деваться некуда, берем их и грузим на броню БТРа. Офицеры забирают документы афганцев, а деньги – афгани, сжигают на месте, чтобы не было у нас соблазна. А зачем нам их деньги, мы в дуканы не ходим, мы не подразделения советской армии (так мы называли части 40-й армии), мы – КГБ, у нас дисциплина. Возвращаемся в лагерь. По дороге заезжаем в улусвольство (это афганская местная народная власть), сдаем трупы и оружие. Все, операция закончилась.

Январь 1983 года. Встретили новый, 1983, год. Второй Новый год без снега. Год окончания моей службы.

Сразу после нового года нашу мотоманевренную группу подняли по тревоге. Выезжаем всей группой, оставив небольшое боевое охранение

лагеря. Похоже, что едем надолго. Берем с собой много боеприпасов, сухого пайка, теплую одежду. Узнаем, что в нашей зоне ответственности случилось чрезвычайное происшествие. В городе Мазари-Шарифе боевики похитили группу советских гражданских специалистов, семнадцать человек. В Мазари-Шарифе много промышленных предприятий, социальных объектов. Афганцам активно помогают наши специалисты: инженеры, врачи. Как нам стало известно, они ехали по городу на двух автобусах. Охраняли их афганцы (царандой). Охрана ехала позади автобусов на ГАЗ-66. На одном из перекрестков дорогу второму автобусу перегородил какой-то трактор, тракторист скрылся. Автобус и машина с афганской охраной остановились. А первый автобус поехал дальше. По-видимому, его водитель-афганец, был подкуплен душманами, он увез 17 наших специалистов в неизвестном направлении. Что с ними стало, никому не известно. Наша задача – поиск пропавших. В операции задействованы большие силы: советские и афганские. Перекрыли все дороги, караванные тропы, взяли в кольцо населенные пункты. И ничего! Полная неудача. Никаких следов. Через некоторое время начала поступать информация от разведчиков. Кольцо поиска сузилось и переместилось западнее Мазари-Шарифа. Нашли одного убитого специалиста. Их гнали через кишлак, и местные жители просто забили мужчину камнями. Неподалеку в какой-то норе были найдены окровавленные бинты и полный список похищенных специалистов. Боевики будто играют с нами. Вроде бы идем по следам, а догнать не можем. Поиски велись в течение всего января. Наконец, окружили кишлак. В него вошло афганское подразделение и напоролось на сильный огонь душманов. В кишлаке банда, и, похоже, та самая, что удерживает специалистов. Стали сжимать кольцо оцепления, теперь мы их не выпустим. Душманы поняли, что попали крепко и стали расстреливать специалистов. Заводили в какой-то дом и стреляли. Один из специалистов, будучи безоружным, изможденный и избитый, набросился на своих палачей. Он погиб, но остальные смогли бежать, рассыпались по кишлаку, залегли. Прямо на головы душманам с вертолетов высадилась наша десантно-штурмовая группа. В кишлак вошли наши подразделения. Банда была уничтожена, специалисты остались живы. Погибло их в общей сложности четверо или шестеро, точно мы не узнали. Знать бы фамилию того спеца, который ценою своей жизни помог товарищам.

Операция закончилась вроде бы удачно. Но так, похоже, считали не все. Нашим командирам досталось сполна. Ведь это произошло в стокилометровой зоне ответственности пограничников. Нам не давали покоя

всю оставшуюся зиму и весну. Операция следовала за операцией. Мы активно чистили приграничье.

Февраль 1983 года. Операции следуют одна за другой. Мы проверяем все кишлаки, расположенные вдоль афгано-советской границы, в нашей зоне ответственности. Уничтожено немало боевиков, взяты несколько схронов с оружием. наших дембелей из-за этого задержали надолго. Должны были увольняться в запас в октябре-ноябре, а поехали домой в январе-феврале. Долго ждали замену. Замена им пришла из Забайкальского пограничного округа. Прибыли ребята, которые прослужили год и были очень хорошо подготовлены.

Наши офицеры, вошедшие в Афганистан с нами в январе 1982 года, служат здесь полтора-два года, а потом им приходит замена. Но есть офицеры, которые приезжают к нам в маневренную группу на стажировку на два месяца. Для них это экстремальная командировка, для нас – определенное развлечение наблюдать за ними. Большинство прикомандированных привыкают к обстановке очень быстро, все-таки пограничники. Но есть те, кто наших условий не выдерживает. Мы делаем вывод, кто есть кто после первого выезда на операцию: весь внешний лоск сходит сразу, остается «голая» правда. Поначалу некоторые из приехавших на стажировку офицеров пытаются изменить нашу жизнь в соответствии с уставом воинской службы. Например, устраивают строевой смотр, проверяя обмундирование, наличие и чистоту подворотничков, чистоту сапог, наличие в кармане носовых платков и т.д. А мы ходим в изношенном обмундировании, подшивать подворотнички нам просто нечем, а сапоги чистим изредка растаявшей под горячим солнцем ваксой (о сапожном креме и не мечтаем). Но смотр мы терпим, снисходительно поглядывая на проверяющих. Хуже бывает, когда нам устраивают строевые занятия, отвыкли мы от этого за ненадобностью. Однажды к нам в командировку приехал мой старый знакомый капитан Киушкин (я писал о нем ранее). Судьба, наверное, нам с ним встречаться. Вел он себя вполне нормально, а вот меня как будто не узнал. И у меня не было желания общаться с ним, о чем-то спрашивать. Давно, слишком давно была служба на Курилах и капитан Киушкин в той моей службе. Реальность была совсем другая...

Март 1983 года. Скоро выйдет приказ министра обороны о нашем увольнении в запас. Скорей бы, очень уж все надоело.

Опять проводится операция по очистке нашего Ташкуртана. База нашей маневренной группы на окраине города, в городе всюду посты афганской

народной милиции-царандоя. Несмотря на это басмачей в городе становится все больше и больше. Говорят, что пришли несколько караванов с оружием. Опять окружаем город, опять все с начала. У нашего отделения хорошая позиция, мы перекрыли проход к горам. БТР поставили на горку, основательно окопались, поставили сигнальные мины. В арыке неподалеку саперы установили мины на растяжках, хорошие мины, направленного действия, МОН-50 и МОН-100. По городу активно работают вертолеты и минометные батареи. Мы уже научились проводить подобные операции. По радиации слышим, что несколько групп боевиков сдались без боя. Ночью часто срабатывают наши сигнальные мины, мы обрабатываем места сработки плотным огнем. В одну из ночей взорвалась боевая мина в арыке неподалеку от нашей позиции. Утром мы осмотрели место взрыва. В воде арыка лежал переломленный пополам мертвый афганец. В левой руке у него был зажат длинный шест, в правой – пистолет. Видимо, он по воде арыка пытался пройти через наше оцепление. Руку афганца разжали, пистолет взяли: итальянский, мелкого калибра. Хороший пистолет. Но мы его конечно сдали. Убитого афганца забрали пришедшие родственники. Операция закончилась удачно. Мы стали готовиться к следующей.

Апрель 1983 года. На базе нашей ММГ создают внештатную десантно-штурмовую группу (ДШ). В нее включили нас, всех дембелей. Мы опять проходим ускоренное обучение, готовимся к операции с десантированием из вертолетов. 4 апреля вылетаем на трех МИ-8, нас около сорока человек – внештатная ДШГ. С собой личное оружие, по три боекомплекта патронов, гранаты, саперная лопатка, сухой паек на трое суток и теплые вещи. Раньше мы все это везли в БТРе, а сейчас несем в вещмешке за плечами. Летим на восток. Пересекаем границу и делаем остановку в Пяндже (в советском Таджикистане). Вертолеты заправляются, а мы отдыхаем, сбросив вещмешки и оружие. Снова перелетаем через границу и выходим в заданный район, где-то неподалеку от Талукана. Мы готовы к тому, что при высадке из вертолетов можем напороться на боевиков. Вертолеты садятся, мы выскакиваем и, вытянувшись в цепь, залгаем, приготовившись к бою. Вертолеты улетают, пыль рассеивается. Мы видим перед собой не боевиков, а советский БТР и мирно расположившихся на нем солдат. Оказалось, вертолетчики немного не донесли нас до места. Идем пешком километров пять, как навьюченные животные, жарко, хочется пить. Доходим до места, перекрываем большую лощину, покрытую рисовыми чеками и болотцами. Основательно окапываемся. БТРов с нами нет, приходится надеяться только на себя. Взятая с собой вода быстро заканчивается, берем воду из

ближайшего арыка, дезинфицируем ее какими-то специальными таблетками. Вода становится отвратительной на вкус, но делать нечего. Ночью сработали сигнальные мины, кто-то пытался прорваться. Открываем плотный огонь по месту сработки сигнальных мин. Утром перед своими позициями находим двоих убитых афганцев, оружия у них нет. Или оружие забрали те, кто шел с ними, или это мирные люди. Бывает так, что басмачи, идя на прорыв, гонят перед собой мирных афганцев. Убитых забирают местные жители, чтобы похоронить. День проходит спокойно. Ведем наблюдение, отдыхаем, купаемся в арыке, готовимся к ночи. Наши офицеры, молодые, в сущности, ребята, устроили импровизированный тир: стреляют из автоматов по лягушкам, их много в соседнем болотце. Нам стрелять не разрешают, мы остаемся зрителями. А еще очень много черепах, черепахи везде, большие и маленькие. Никогда не приходилось видеть их в таком количестве.

Вечером кто-то из наших убил корову. Она шла прямо на поставленные нашими саперами мины, и ее убили из автомата, чтобы мину не сработала. Прибежала ее хозяйка, стала, плача, объяснять переводчику, что она одна растит детей, что корова была их единственной кормилицей. Ситуация не из приятных. Женщина отказывается брать мясо коровы, объясняя это тем, что убили ее «неверные», и мясо осквернено. Наши офицеры быстро находят выход из положения. К женщине подводят Габбасова Кайдара, нашего солдата, казаха по национальности. Объясняют, что корову убил он, мусульманин. Корова шла на минное поле, ее взрывом могло разнести в клочья. Габбасов прочитал мусульманскую молитву и убил корову. Женщина поверила, мясо коровы взяла. Кроме этого мы отдали ей часть своего сухого пайка и деньги, найденные у убитых афганцев. Осадок на душе остался нехороший, вроде бы не специально корову убили, но женщину и ее детей жалко.

А вот афганские дети нас ничуть не боятся. Собираются возле нас стайками, лопочут по-своему. Мы всегда отдаем им все, что можем: сгущенку, тушенку, сухари, сахар. Очень бедно они живут. Может быть, их отцы и старшие братья в бандах, но нам детей жаль. Наш фельдшер, Кабанов Вася, («табиб» - так они его называют) оказывает детям посильную медицинскую помощь. Хотя у него кроме бинтов, зеленки да горсти таблеток и нет ничего.

Операция ДШГ заканчивается. Возвращаемся на вертолетах к себе на базу. Вещмешки за спиной стали намного легче: сухой паек съели, патроны расстреляли.

Май 1983 года. Мы считаем дни до увольнения в запас, а нас опять отправляют на операцию. Вначале нас, дембелей, не брали. Должен был ехать Рожнов Серега, наш годок, назначенный недавно командиром 1-го отделения и получивший звание «ефрейтор». Мы с Олегом Липкой стали подшучивать над ним, говоря, что пока он ездит с молодыми на операцию, мы будем доделывать дембельские альбомы. Так вот шутили, несуразно довольно. Видимо наш замполит старший лейтенант Привалов наши шутки услышал. Потому что вскоре он зачитал боевой расчет на операцию, и мы с Олегом оказались в одном БТРе, в 168-ом. Водитель Юра Михальченко, наводчик КПВТ Толя Учанкин (Шум), стрелки мы с Олегом, командир Сафиуллин Раис. Такой вот неполный комплект отделения. Причем БТР №168 – это БТР управления 2 ПЗ, а мы с Раисом из 3-го отделения, наш БТР №171. Но приказ есть приказ, поедem на 168-м. Идем чистить провинцию Балх, что находится в зоне ответственности ММГ №1. Обе наши группы должны совместно проверить несколько населенных пунктов. Малые кишлаки мы не осматриваем, проходим через них. Идущее параллельно с нами афганское подразделение по ходу движения проводит зачистку. Наша основная цель – небольшой городок Акча. Подходим с двух сторон, окружаем двумя кольцами. Наша группа, пройдя через город, перерезает его на две части. Подразделение афганцев сразу же начинает зачистку. Появляются первые задержанные. Наше отделение контролирует дорогу, проходящую по окраине города. Всех, кто идет по дороге, задерживаем и передаем афганцам (ХАДу – госбезопасности). Задержанных сразу же становится много. Моя задача контролировать изгиб дороги: там глиняный дувал и заросли кустарников. Оптика моей винтовки позволяет видеть то, что не видит невооруженный глаз. Мирные афганцы нас не боятся, подходят смело, после небольшой проверки их отпускают. Но есть те, которые пытаются, увидев оцепление, бежать. Таких задерживаем. Приходится делать предупредительные выстрелы. Этого достаточно, они знают, что за неподчинение мы можем стрелять на поражение. День прошел в суете. Подготовились к ночи, окопались. Но все пошло как-то не так...

Вечером стало ясно, что нам нужно быть в другом месте. Быстро сворачиваемся, выстраиваемся в колонну. Начали движение, когда уже основательно стемнело. С другой стороны города пошла колонна ММГ №1. С окраины города по колонне первой мангруппы заработал пулемет. Они ответили, нам отчетливо видны трассы пулеметных очередей. Колонна первой мангруппы отошла за город, выходя из боя. Мы слушаем рацию. Командир нашего взвода разведки, идущего в голове колонны, тревожно запрашивает у начальника ММГ майора Тропина разрешение идти со

стрельбой, чтобы предотвратить нападение на колонну. Ответ: «Нет! Постреляем мирных жителей!». А темнота, хоть в глаз коли. Тревожно очень, беспокойно на душе. Втягиваемся в город. Узкие улицы, глинобитные стены домов и заборы-дувалы. Сидим на броне БТРа, ведем наблюдение. У нас не хватает личного состава, поэтому есть лишнее оружие. Я на операции кроме своей СВД беру ручной пулемет РПК. Ночью он как-то надежнее. Вот и в этот раз я на броне с пулеметом. Мы без команды дослали патрон в патронник, надели каски. Так вернее. Не покидает ощущение того, что должно что-то произойти. Колонна то и дело останавливается. Наш БТР №168 идет четвертым в колонне. Первыми идут БМП и БТР разведчиков, за ними ЗИЛ-131 саперов, груженный минами под завязку, а за саперами мы. Вот и окраина города, кажется, прошли удачно. Вдруг вспышка и сильный взрыв, за ним другой. И огненные трассы в сторону нашей колонны. Начинаем стрелять в темноту и мы. Из бронетранспортера разведки, который шел в колонне вторым (первой шла БМП), видно пламя, он горит. Как потом выяснится, по БТРу с двух сторон, справа и спереди, попали из ручного гранатомета. Мы на броне вдвоем с Олегом Липкой, стреляем, магазины быстро пустеют, спускаемся под броню внутрь БТРа. Переводим дух, стараемся осмыслить произошедшее. Раздается какой-то металлический звон, вероятно, по броне нашего БТРа попала пулеметная или автоматная очередь. Это окончательно приводит нас в чувство. Поднимаемся на броню и снова ведем огонь. В темноту, по вспышкам. Наводчик КПВТ нашего БТРа Толя Учанкин бьет по углу дувала, крошит глину. Он заметил там какое-то движение и теперь не отступит. К нам в БТР привели раненого командира разведвзвода лейтенанта Лазукина. Его вытащил из горящего БТРа заместитель командира взвода старшина Чистеев Володя. Лейтенанту оказываем помощь, перевязываем, у него пулевая рана плеча и сильнейший ожог правого бока и спины. Лейтенант стонет, но боль терпит. Он у нас в ММГ совсем недавно, прибыл на замену, и сразу попал в такую переделку.

По радиации передается команда «Гранатами огонь!». Засада, как выяснится потом, была организована против нас довольно грамотно, в глубоком арыке у самой дороги. На следующий день мы нашли там десятки автоматных и пулеметных гильз. Гранаты оказались кстати. Стрельба по колонне постепенно затихает. Колонна медленно выходит из боя, оставляя горящий БТР №167. Отходим метров на пятьсот от места боя. Начинаем приходить в чувства. Когда стреляли, страха не было, а тут... Гимнастерка стала мокрой от пота, как будто меня только что окунули в арык. Голос хриплый, какой-то чужой. Мы начинаем понимать, что могло сейчас случиться. У меня в голове появляются какие-то глупые мысли, обида на своих родственников, которые

сейчас дома. «Наверное, спите и не знаете, что меня только что убивали!»). Глупые это, конечно, мысли. Нашим раненым в спешке оказывается помощь. Слава богу, убитых нет! Но раненых немало. В горящем БТРе осталась карта разведчиков и боеприпасы. Опасаясь, что все это попадет к боевикам, мы всю ночь стреляем по тому месту, где догорает БТР. Стреляют БМП из пушек и гранатометчики из РПГ. Минометная батарея, развернувшись, бьет по городу. Утром, с рассветом осматриваем место боя. Если бы мы остались на прежнем месте, не сняли вчерашнего оцепления города, то могли бы взять банду. А так потеряли бронетранспортер. И раненых сколько. Мы с Олегом язвительно шутим, что дембель наш в большой опасности. Операция продолжается...

В двадцатых числах мая новая операция. Теперь в Кундузе, на северо-востоке Афганистана. Идем через перевал по серпантину. Проходим через Кундуз, перекрываем дорогу на Горный Бадахшан и прилегающий к дороге район. Вокруг много зелени и рисовые чеки, заполненные водой. Мы действуем совместно с афганским батальоном царандоя из Мазари-Шарифа, с ними двое советских инструкторов, старших офицеров. День проходит спокойно, а ночью война. Нас начинают обстреливать с фронта и тыла. Ведем огонь в темноту, пытаюсь определить, откуда по нам стреляют. В соседнем с нами бронетранспортере серьезно ранен наводчик КПВТ. Его вывозят в походный медпункт. Хочется вжаться в землю и не вставать, но надо стрелять, надеяться не на кого. С наступлением утра снова устанавливается тишина, боевики как сквозь землю проваливаются. Они у себя дома, да еще в зеленой долине. Это продолжается всю неделю операции. Афганцы заканчивают проческу, и мы уходим.

Как-то безрадостно от такой операции. День пограничника, 28 мая, наш праздник. Мы в Кундузе, остановились на ночлег в какой-то очень древней небольшой крепости, в которой расположилось подразделение советской армии. Впервые за последние дни сможем спокойно отдохнуть. Даже боевое охранение на ночь не выставляем, нас будут охранять гостеприимные хозяева. Нам сообщают, что первая мангруппа где-то снова в районе Акчи попала в очень серьезную засаду. Есть погибшие, много раненых. Сожжено несколько машин. Мы от них далеко и помочь не можем. Праздник испорчен окончательно. Ночью мы самовольно делаем салют множеством осветительных и сигнальных ракет: в память о погибших ребятах и за свой испорченный праздник. А потом до утра в наказание за салют копаем вокруг своих БТРов окопы полного профиля с ходами сообщения. Хорошо, что земля здесь непривычно мягкая. Наверное, когда-то здесь было поле. В земле нам попадается множество больших глиняных кувшинов, настоящие

археологические раскопки. Наверное, кувшины тоже со времен Чингисхана. На другой день возвращаемся в свой лагерь. К своему Ташкургану подходим вечером, в город не идем, а огибаем его и останавливаемся на ночлег посреди песков. Афганский батальон, обогнав нас, входит в город. Очень хорошо, что мы остановились на ночлег в пустыне. По-видимому, басмачи нас ждали. Засада была организована отменно, афганский батальон боевики просто разгромили, погибли оба советских офицера-инструктора. Их привезли к нам в лагерь, и раненых афганцев тоже. На помощь афганцам вышли несколько наших БМП, по городу стала работать минометная батарея. Начавшийся вечером бой продолжался весь следующий день. Так заканчивается май 1983 года.

Июнь 1983 года. Последний месяц моей армейской службы. Ждем увольнения в запас, несем службу по охране своего лагеря. 17 июня заступаем на пост. Ночь ожидается веселая. Неподалеку от нас басмачи взорвали афганскую автозаправочную станцию. Горит разлившийся бензин, слышны взрывы. Афганская милиция ведет с боевиками бой. Мы наблюдаем с башни 2-го поста, огонь приказано не открывать. В работе опять наши минометчики, активно бьют по городу. Огонь от АЗС подошел к проходящему неподалеку топливопроводу, по нему из Союза в Афганистан перекачивается дизельное топливо. За его сохранность отвечает одно из подразделений 122 МСП советской армии. Приходят три их БТРа и начинают утюжить из пулеметов прилегающий к горячей АЗС район. Им отвечают боевики. Достается и нам, по нашему посту басмачи стреляют из пулемета. Все, теперь мы можем вести ответный огонь. Всю ночь мы воюем, к нам на пост приходит замповой нашей заставы старший лейтенант Привалов.

Наутро я узнаю, что скоро прилетит вертолет и меня вместе с Камагайкиным Колей, Голенко Гошей, Грачевым Сергеем отправят домой. Неужели это все. Нас сменяют на посту, быстро собираем свои нехитрые вещи, суетливо прощаемся с теми, кто остается. Бежим к вертолетам. Взлетаем и с высоты в последний раз смотрим на свой лагерь (снизу нам прощально машут руками), смотрим на наш город Ташкурган, ставший родным. Летим к границе. Летим, чтобы уже никогда сюда не возвращаться. Летим, унося с собой память и боль в сердце. Пока мы еще не знаем, что всегда будем жить памятью о своей нелегкой военной службе и мечтой, что когда-нибудь мы приедем в Ташкурган, снова пройдем по опаленной горячим солнцем земле, вспомним все, что с нами было...

